
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Затмение разума. М.Ф. Шакка о западной цивилизации

© 2021 г. А.М. Руткевич

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.*

E-mail: rutkevitch@yandex.ru

Поступила 03.11.2020

Вниманию читателей предлагается первый русский перевод главы «Глупость» из книги «Затмение разума» итальянского католического философа М.Ф. Шакка, который называл свое учение «христианским спиритуализмом». Оно восходит к Платону и Августину. Исходным пунктом для него является античное понимание мудрости как меры, осознания конечности своего существования в отношении с другими сущими и с бесконечностью Бога. Предел онтологически конституирует всякое бытие, а потому зло лежит не в наличии меры, а в «порче» собственного бытия, проистекающей из разрыва диалектической связи с вещами, самим собою и Богом. Мудрость заключается в жизни согласно порядку бытия, в наиболее совершенной реализации своего конечного существования. Затмение ума заключается в стремлении отождествить себя с иными сущими, низводя себя до более низких в космическом порядке либо, впадая в гордыню, возвеличивая себя до уровня Бога и утрачивая *pietas*, благоговение по отношению к целому. Цивилизации погибают от глупости, от затмения разума. Эллинизм сменилось эллинизмом, Рим – «римскостью», на протяжении последних четырех столетий шло затмение Запада, превращающегося в «окцидентализм». Эта трансформация начинается в эпоху барокко, так называемые «великие системы» XVII в. были первой стадией затмения: онтология все более заменяется методологией, а она постепенно трансформируется в технологию достижения «оптимума счастья». Современный этап этого падения для Шакка является уже не декадансом, а окончательной порчей. Запад уже умер, остался навязываемый всему миру «окцидентализм». Все прежние религии и даже противостоявшие друг другу идеологии сменяются культом производства во имя потребления. Правящая технократия воспроизводит тип *homo calculator*, расчетливого индивида, притязющего на то, что он является вершиной в развитии человечества и «мерой всех вещей».

Ключевые слова: Разум, благоговение, глупость, мудрость, Запад, затмение, цивилизация, окцидентализм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-47-67

Цитирование: *Руткевич А.М.* Затмение разума. М.Ф. Шакка о западной цивилизации. *Шакка М.Ф.* Затмение разума. Часть первая, глава III «Глупость». Сокращ. пер. с итал. и прим. А.М. Руткевича // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 47–67.

The Eclipse of Reason. M.F. Sciacca on Western Civilization

© 2021 Alexey M. Rutkevich

National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: rutkevitch@yandex.ru

Received 03.11.2020

We offer to our readers the first Russian translation of the chapter “La stupidita” from the book *L’oscuramento dell’intelligenza* by the Italian Catholic philosopher M.F. Sciacca, who called his teaching *Christian Spiritualism*. The starting point for him is the ancient idea of measure, understanding the finiteness of existence in relationship with other finite beings and with infiniteness of God. The wisdom consists of life according to the order of being, in the perfect realization of the proper finite existence. The eclipse of mind is the strife of identification with the beings, having a lower place in the cosmic order, or a hubris, a loss of pietas, an exaltation of himself to the level of God. The civilizations die as a result of arrogance and stupidity, of the eclipse of reason. Hellenism replaced the ancient wisdom, the Roman was replaced by Romanism; during the last four centuries, the eclipse of the western reason is in process, transforming the West into “Occidentalism”. This process began in the baroque times, so-called “Great Systems” of the XVIIth century were the first stage of this eclipse: ontology was replaced by methodology, gradually transformed into technology of attainment of the “optimum of happiness”. The contemporary stage of this decline is not even decadence but complete corruption. The West is dead now, rests the “Occidentalism”, imposed on the entire world. All the religions and even the ideologies of previous times gave way to the cult of production and consumption. The ruling technocracy replicates the type of *homo calculator*, claiming to be the apex of human development and “measure of all the things”.

Keywords: Reason, pietas, stupidity, West, wisdom, civilization, eclipse, Occidentalism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-47-67

Citation: Rutkevich, Alexey M. (2021) “The Eclipse of Reason. M.F. Sciacca on Western Civilization. Sciacca, Michele F., *L’oscuramento dell’intelligenza*, Prima parte, capitolo III *La stupidita*, Abridged Trans. from Italian into Russian and Comm. by Alexey M. Rutkevich”, *Voprosy filosofii*, Vol. 8 (2021), pp. 47–67.

Послевоенная итальянская мысль малоизвестна в России: между Б. Кроче и Дж. Ваттино или Дж. Агамбеном присутствует разве что У. Эко, который в полном смысле слова все же не был философом; хуже всего представлена католическая мысль, которая никогда не сводилась к одному лишь единообразному неотомизму. Одним из наиболее ярких ее представителей был Микеле Федерико Шака (1908–1975), творчество которого у нас замечено: была защищена диссертация (мне доводилось ее читать и выступать на предзащите), а ее автор дала содержательный обзор основных положений «христианского спиритуализма» Шака [Кошкарьян 2004]. Не останавливаясь на эволюции его воззрений от неогегельянства в духе его учителя Дж. Джентиле к собственному учению, отметим несомненное влияние А. Розмини-Сербаты (беатифицированного в 2007 г., когда он был причислен к блаженным) и сходство с рядом подобных

учений, восходящих к Платону и Августину¹; так как речь идет о христианском платонизме, то можно сопоставить воззрения Шакка и с некоторыми русскими мыслителями, тем более что с философией Розмине их взгляды сближались еще В.Ф. Эрном [Жукова 2016]. Правда, хорошо виден и след аристотелевского учения о несводимой множественности сущих, занимающих свое место в порядке бытия – с томизмом Шакка все же не порывал.

Так как нас интересует в данном случае книга «Затмение разума» и, еще конкретнее, оппозиция ума и глупости, то мы не станем останавливаться на тщательно разработанной им в ряде монографий 1950–1960-х гг. доктрине. Отметим только, что ум для него есть интеллектуальная интуиция бытия, а часто упоминаемая «диалектика меры» (или «предела») не имеет отношения к гегелевской триаде «количество – качество – мера», но восходит к поздним диалогам Платона. Исходными пунктами для него являются эллинское понимание мудрости как «неземной меры», содержащей в себе пределы всех сущих (первая формулировка приписывается еще Солону), и восходящее к Античности, но преобразованное в христианстве видение благочестия, благоговения (*pietas*) как незыблемого фундамента практического разума. Диалектичен человеческий разум уже потому, что принадлежит он конечному существу, внутренним объектом для которого явлено бесконечное. Всякий мыслящий предстает как конечное бытие в отношении к бесконечному как идее; он соотносится с миром, прикован к нему, но и «раскован», поскольку выходит за его пределы и обращен к тому, что лежит в основе этого мира. Поэтому он противостоит миру, создает самого себя в этом мире, выполняет свою земную миссию, но своим умом открыт также космическому и неземному. Осознавать свою конечность способен только конечное сущее, однако если бы ему было открыто только конечное, такое осознание тоже невозможно – внутренним для него объектом выступает идея собственного предела, которая выводит к постижению пределов всех конечных сущих. Человек дан себе как конечное мыслящее бытие, конституируемое отношением к бесконечному бытию. Это не какая-то «нехватка», недостача, не-бытие экзистенциалистов, поскольку человеку «хватает» себя: нельзя сказать, что ему «недостает» земного бессмертия или абсолютной свободы, поскольку тогда он был бы иным сущим. Предел онтологически конституирует всякое бытие, а потому зло лежит не в наличии меры, а в «порче» собственного бытия, проистекающей из разрыва диалектической связи с вещами, самим собою и Богом. Иначе говоря, зло начинается с непризнания своего места в порядке бытия, отказа от меры, нарушения предела. Все концепции, сводящие бытие к становлению, стремлению в беспредельное, порыву или развертыванию в истории отвергаются Шакка как неразумные, идет ли речь о романтиках или Гегеле, «фаустовской душе» Шпенглера или безосновной свободе выбора экзистенциализма. От глупца умный отличается уже тем, что осознает ограниченность своих дарований, но наделен желанием и волей их развивать. Мудрость заключается в жизни согласно порядку бытия, в наиболее совершенной реализации своего конечного существования. Это не означает некоего квиетизма или фатализма, поскольку человек свободен в отношениях со всеми сущими; как личность он стоит на вершине тварного мира; граница для него лишь в том, что он находится в связи с Богом и сознает, что сам он Богом не является. Затмение ума заключается в стремлении отождествить себя с иными сущими, низводя себя до более низких в космическом порядке либо, впадая в гордыню, возвеличивая себя до уровня Бога.

Название книги *L'oscuramento dell'intelligenza* вызывает при переводе затруднения, поскольку Шакка очевидным образом говорит не об «интеллигенции» как о социальном слое; для «интеллекта» в итальянском есть *intelletto*, для «ума» – *mente*, для «разума» – *ragione* (а сам он нередко пишет и по-латински *ratio*). Как и во всех романских языках «интеллигенция» имеет значение ума, иной раз хитроумия, смекалки, даже выведывания (разведки), но не «рассудка» или «разума» как философских категорий. Конечно, можно было бы оставить в переводе «интеллигенцию», тем более, в философии Шеллинга и Гегеля за этим термином было закреплено значение теоретического разума, высших психических функций; завершением и целью *Intelligenz* для

Гегеля являются «сама себя знающая истина, сам себя познающий разум» [Гегель 1956]. Однако в этом значении термин практически никем у нас не употребляется – ни философы, ни психологи-марксисты его у Гегеля не заимствовали; к тому же сам Шакка никак не был гегельянцем к моменту написания данной книги. Так как в оппозиции к нему выступает глупость, то предпочтительнее всего говорить именно об уме или разуме; тем более и в других языках слово «ум» нередко передается многозначными терминами, вроде французского *esprit*, обозначающего также и «дух».

В предисловии М. Шакка обращает внимание на то, что данная книга, как и целый ряд его предшествующих работ – к примеру, «Философия и антифилософия», «Церковь и современный мир», – имели в том числе и провокационный характер: они должны пробуждать от спячки, беспокоить, даже раздражать – такова роль философствования в мире со времен Сократа. Поэтому они кажутся поверхностными, они сами «подставляются» – их легко критиковать как односторонние. Но такова цель самого автора – книги настоящих философов «смотрят в корень», намечают проблему, вызывают недовольство, желание дискутировать. Книга вышла полвека назад, в 1970 г., но некоторые темы были продуманы еще в первой половине 1950-х, когда Шакка хотел написать книгу с характерным названием «Европа без европейцев» – большой конверт с начатой рукописью хранился в ящике стола, к которому он все эти 15 лет не прикасался, пока не приступил к писанию «Затмения разума».

Книга состоит из двух неравных частей, в первой из которых сначала излагаются в тезисной форме основные его идеи об уме как диалектической связи, учитывающей пределы, и о глупости²; во второй части, составляющей две трети книги, речь идет о затмении уже не индивидуального ума, но всей западной цивилизации. Философами написаны целые библиотеки относительно разума, интеллекта, духа, ума, но глупость, как ни странно, практически никогда не становилась темой. Всем нам известна «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, но этот карнавальный, в духе средневекового немецкого фарса (*Fastnachtspiel*), блестящий юмором текст дает нам множество ярких зарисовок и лишь одно обобщение: род человеческий безнадежно глуп, и даже Христу пришлось вместе с вочеловечением поглупеть. Просветительские, а затем и все прогрессистские интерпретации, в которых Эразм был сатириком, не жалеющим черных красок для поздней схоластики, пожалуй, могут служить превосходным примером именно непроходимой глупости идеологов нашего *brave new world*. Конечно, как и многие другие мыслители Ренессанса, начиная с Петрарки, Эразм не любил позднюю схоластику, но стоит вспомнить, как и что он пишет о глупости врачей и юристов, как смеется над античными философами, включая и столь ценимого им Сократа (ведь это Эразм восклидал: «Святой Сократ, молись за нас!»). Номиналистам XIV–XV вв. достается ничуть не больше иронии, а если сегодняшние представители аналитической философии присмотрятся повнимательнее, то увидят, что эта ирония затрагивает их даже больше, чем схоластов. Шакка ссылается на яркую речь Р. Музиля «О глупости» 1937 г., в которой тот, в свою очередь, ссылается на лекцию гегельянца И.Э. Эрдманна 1866 г. С Музилем его роднит то, что Шакка говорит не столько о простой и незатейливой глупости, сколько о той, которую австрийский писатель называл «возвышенно-претенциозной», «интеллектуальной», притязавшей на свою роль в движении человечества «все выше и выше».

Ум противостоит не только глупости, но также безумию, сумасшествию, слабости – эти оппозиции не единожды появляются в книге Шакка, но он подчеркивает, что имеет в виду не медицинский диагноз или тест на IQ. Речь идет вообще не о данных природой (наследственность) или культурой (образование) задатках, вродесообразительности, скорости мысленных операций, умении решать те или иные задачи. Равно как не о сметливости, приспособленности к внешним обстоятельствам, успешном решении практических задач. Глупость никак не сводится к невежеству или к недостатку образования. Конечно, все это нужно принимать во внимание, поскольку здравомыслие требуется любому человеку, оно предполагается той «мерой», осознанием «пределов» своего понимания и действия. Так было и у эллинов: кардинальной

добродетелью с античных времен является *phronesis*, практическая мудрость, здравый смысл, реализм действующего человека – эта мудрость отличается от истинной мудрости, Софии, тогда как практическая дальновидность есть «знание того, к чему надо стремиться, и того, чего надо избегать» [Цицерон 1974, 97]. Только древние не путали такого рода благоразумие с постижением сути вещей. Глупости противостоит именно мудрость, объединяющая знание себя и космоса с доброй волей. Причем речь у Шакка идет не о всем многообразии античных представлений о мудрости, но почти исключительно об «Афинской школе», Платоне и Аристотеле.

В эллинистический период произошло упрощение и «заземление»: мудрость сделалась своего рода «технологией» или «методологией» обретения счастья, «фабрикой рецептов эликсира счастья» [Sciassa 1970, 101–102], рационального контроля над собой, некой психотерапией. Шакка не отрицает благочестия иных стоиков – достаточно вспомнить гимн «К Зевсу» Клеанфа, – но пантеизм и натурализм их физики уже свидетельствуют об упадке мудрости. Утрачивается тот божественный свет, о котором Платон писал и в своих диалогах, и в знаменитом VII письме. Самопознание также имело божественный первоисток: в «Хармиде» Платон утверждал, что дельфийская надпись «Познай самого себя» была приветствием бога к пришедшим в храм, ибо при встрече следует не просто желать здоровья, а призывать к мудрости. Для Платона разум подсказывает нам, какое благо является истинным, а какое мнимым – разум позволяет нам сделать правильный выбор. Знание предстает как «сосредоточение души... когда она концентрируется на своей внутренней жизни, отрешаясь от восприятий внешнего мира, получаемых нашими органами чувств» [Йегер 1997, 179]. Иначе говоря, подлинной мудростью в Античности для Шакка были наделены те, кто подходил к единобожию, к постижению сверхчувственного, которое, как писал Плутарх, «просияв сквозь душу, как молния, только один раз позволяет коснуться и увидеть себя. Поэтому Платон и Аристотель называют это мистической частью философии, ибо, миновав сложное и разнородное с помощью разума, люди возносятся к этому первичному, простому и нематериальному началу и, по-настоящему коснувшись заключенной в нем чистой истины, полагают, что обладают наконец всей мудростью» [Плутарх 2006, 87]. Именно эта «метафизика света» сочеталась с монотеизмом, получила окончательный вид в трудах Отцов Церкви от Климента Александрийского до Августина, была закреплена догматикой первых семи вселенских соборов.

Она стала фундаментом той цивилизации, которая со времен Карла Великого именуется «Западом». Вершиной в развитии этой цивилизации был период Ренессанса, в который произошла своего рода «компенсация» некоторой односторонности Средних веков: тварное, земное, чувственное вновь обрели свое законное место, но еще не произошел «перекос» в сторону натурализма и материализма. Писавшие в ту пору о мудрости и глупости сохраняли связь с трансцендентным. Можно вспомнить о том, как М. Фичино начинает рассуждение относительно человеческого разума, сформированного своей связью с божественным, с указанного письма Платона. «Многочисленные соображения и признаки того, что человеческий разум в своем интеллектуальном постижении формируется с помощью Божественного Разума» [Фичино 2020, 439]. Противопоставление мудрости и глупости проходило в рамках этой традиции: «...Глупец жалок и рожден несчастным, он, который все свои блага заключает в мире и в теле, ничего – в Душе, ничего – в Ангеле, ничего – в Боге... несчастный Глупец, который презрев добродетельную Мудрость... добровольно определил самого себя к недостойной службе слепой, непредусмотрительной и непостоянной Фортуны, дабы угождать низким вожделениям, сменил золотое ожерелье Мудрости на железное ярмо Фортуны» [Бовель де 2000, 516–518]. «Естественный свет» человеческого разума истекает из разума божественного, а умаление или отрицание последнего есть первопричина греха и глупости.

Именно этой традиции держится Шакка, а потому считает философию Нового времени началом упадка: с Декарта и Бэкона философия преобразуется в методологию, «естественный свет» остается за обособленным индивидом, полагающим себя

единственным лучом света разума. Такое преобразование философии притязало на обоснование научного познания, открытие единственно верного метода, хотя сами создатели науки Нового времени, начиная с Галилея, были чужды таких претензий. Забвение онтологического принципа познания, подмена метафизики «проблемой метода» сопровождаются все большим сужением поля науки: она должна служить господству над миром, дабы создать «самодостаточный *Civitas hominis*, являющийся последней целью обособленных индивидов и истории» [Sciacca 1970, 112]. Декарт сводит весь внешний мир к протяженной субстанции, к которой применимы средства геометрии и механики, Бэкон делает успешность покорения природы прагматическим критерием истины. Начинается упадок европейской мысли.

Эпоха барокко, XVII в., часто именуется временем «великих систем»; для Шаппа это время, когда «не только философия отрицается в рамках самой науки, но она ставится на службу политических и экономических идеологий, делающихся главным полем верификации всякой человеческой деятельности» [ibid., 114]⁵. Строго говоря, даже наименование «философская система» плохо подходит к тогдашним учениям, поскольку они, за малыми исключениями (Паскаль, Вико), порывают с диалектикой, редуцируют мышление к математике и физике, желают избавиться от «предрассудков» и «идолов», каковыми оказываются метафизические начала и моральные принципы – происходит «разрыв с подлинной западной культурой... включая классическую греческую и римскую мысль» на уровень, которым в следующем, XVIII в. будет «Энциклопедия» и салонная философия просветителей. Христианство объявят ответственным за все несправедливости, а свобода, о которой будет сказано столько слов, будет либо «защищаться» посредством гильотины, либо сводиться к беспрепятственной экономической конкуренции; объявленная высшим мерилом «толерантность» ни в коем случае не будет распространяться на тех, кто отстаивает традиционные моральные ценности и метафизические истины. Сначала «великие системы», а затем до предела упростившая их эпоха Просвещения, делают из прежних ценностей и истин *tabula rasa* – это этапы редукции философии к идеологии, этапы затмения, первая фаза «буржуазного» упадка Запада и трансформации его в «окцидентализм» [ibid. 1970, 119–121].

Термин «окцидентализм» получил в последние два десятилетия значение, сопоставимое с «ориентализмом», но Шаппа имеет в виду не те клише и штампы, которые имеются у людей иных культур по поводу Запада, но самохвальство самих людей Запада с их возвышенными речами о «ценностях западной цивилизации», «правах человека» и т.п. Отечественное слово «западничество» тоже не вполне подходит, поскольку у нас оно характеризовало позиции тех, кто желал передельать Россию на западный манер, перенести институты, а иной раз предавался идолопоклонству – типы «недоросля» Фонвизина или Смердякова у Достоевского представляют собой нижний уровень «западничества», тогда как на вершинах можно найти и людей достойных. А. Зиновьев с присущим ему сатирическим взглядом назвал воззрения советских интеллектуалов «западничеством», но при всей уместности термина, он был предназначен для секты «свидетелей Запада». Шаппа под «окцидентализмом» подразумевает не только мнения и установки отдельных людей или групп, но вырожденную форму западной цивилизации как таковой. Эллинизм в свое время сменил эллинизм, на место Рима пришел «романизм» (или «римство») поздней империи и Византии. Запад появился примерно в IX в. н.э. и двигался ввысь на протяжении нескольких столетий, но именно с XVII в. возникают первые признаки упадка, переживания в «окцидентализм» – философия выявляет этот декаданс в самой концентрированной форме.

Поздние эпохи кажутся временем расцвета цивилизации – строятся города и дворцы, могущественные армии покоряют ойкумену, расширяется поток книг и картин, утонченными делаются нравы верхушки общества, но внутри начинается процесс гниения, ведущий в дальнейшем к разложению и распаду. В век барокко разложение лишь едва ощутимо, но признаки порчи уже налицо. Антропоцентризм Возрождения был неизбежным и плодотворным исправлением односторонности, последующий

индивидуализм представляется Шакка предвестием сумерек Запада. В заглавиях философских трактатов мы все чаще обнаруживаем слова *mind*, *esprit*, *Vernunft*: философы желают установить правила, по которым распространяется «естественный свет», принадлежащий исключительно человеческому сознанию. «Основополагающая идея, проявляющаяся не везде ясно, но иногда более чем очевидная, состоит в том, что все истины или значения возникают в мыслящем субъекте, в человеческой мысли, в человеке» [Штраус 2000, 279]. Такой подход к миру заявляет о себе и в теории познания, и в этике, и в учениях о «естественном праве» и общественном договоре.

Поначалу не буржуа являются носителями такого стиля мышления – он создается либо аристократами, вроде Бэкона или Ларошфуко, либо, чаще, представителями *noblesse du robe*, а первой социальной средой его распространения было придворное общество⁴, в котором обнаруживается первый росток *homo calculans*, расчетливого индивида, находящегося в конкуренции с себе подобными. Шакка кратко говорит о том, что первый этап был еще «респектабельным», но изменились базовые установки аристократии, заданные в том числе и философией. Достаточно сравнить «Придворного» Б. Кастильоне, написанного в начале XVI в., с «Максимами» Ларошфуко или «Карманным оракулом» Грасиана. Кастильоне признавал необходимыми для придворного не только умения владеть оружием и телом вообще (грациозность нужна и для танца), но также способности хорошо говорить и писать, начитанность, включающую в себя и чтение на древних языках – качество ученого должно дополнять воинские умения; к этому добавляются воспитанные с детства способности к музыке, рисованию. На вершине же стоит гармония чувства и разума, восходящее к платоновскому «Пиру» превознесение любви толкуется в духе св. Августина и всего христианского неоплатонизма. Этот дух испаряется в наставлениях аристократам XVII в. Когда Кастильоне писал свое сочинение, французское дворянство чуждалось образованности: «французы благородным делом признают одно лишь военное дело, все же другие занятия ставят ни во что. Поэтому они не только не ценят науки, но, напротив, гнушаются ими, а всех образованных считают людьми низкими; им кажется большим поношением назвать кого бы то ни было “клириком”» [Кастильоне 1996, 529]. Но со второй половины XVII в. именно благородный *honnête homme* (человек «самых честных правил», как перевел наш поэт) сделался образцом для всего европейского дворянства. Если принимать во внимание только философию, то очевидным является перенимание и смешение отдельных тезисов стоицизма, эпикурейства и скептицизма. От Ларошфуко до Вовенарга и Гельвеция мы обнаруживаем детальные классификации ума (*bel esprit*, *esprit du bien*, *esprit fort* и т.д.) в его отличии от глупости, но всякий раз этот ум лишен онтологической связи с каким бы то ни было первоначалом. Картезианство получает столь быстрое распространение в том числе и потому, что его осваивают люди, привыкшие смотреть на мир хладнокровно, с дистанции, отчетливо рассматривать окружающее как объекты, фигуры в игре. На второй план отходят вопросы этики. Как заметил А. Арно, в целом принимавший программу картезианства, в своем «Возражении» на «Размышления о первой философии» Декарта, заблуждение в этой философии зависит только от различения истинного и ложного, но упускается различение добра и зла. Бог либо выводится «за скобки» («истина веры» признается, но не имеет отношения к «истине разума»), либо превращается в некоего часовщика, запускающего механизм космоса.

Переход к деизму, а затем и к материализму произойдет в XVIII в., когда уже подступает эпоха буржуа со свойственными ей сенсуализмом и утилитаризмом. Для Шакка это уже не упадок, а порча, коррупция Запада, каковая становится очевидной в XIX столетии с его позитивизмом и натурализмом, с философией, на словах становящейся «служанкой науки», но к самой науке никакого отношения не имеющая. Критике такой «порчи» он посвятил книгу «Философия и антифилософия». Но в это же время начинается следующий этап нисхождения.

Вторая фаза затмения в сфере мысли связана с «историзацией» всего сущего, с отождествлением человеческого и божественного, которое достигло завершения

в учении Гегеля. Взгляд Шакка на это учение совпадает с оценками не только младогегельянцев и марксистов: имеется множество историков философии, считающих систему Гегеля завершением философии Нового времени, видящих в ней в том числе итог секуляризации⁵. Только оценка ее совсем иная, чем у «свидетелей прогресса» – эта система завершает процесс упадка, за ней следует разложение. Шакка воздает ей должное лишь в одном отношении: подобно тому, как неоплатонизм Плотина и Прокла на закате Античности послужил христианству, так и гегелевское учение есть последний синтез умиряющего Запада, сменяемого «западничеством». Наряду с Гегелем, для него важны две фигуры. Первой является Ф. Ницше, разоблачающий декаданс, ведущий к победе нигилизма, но сам к нему принадлежащий со своим «активным нигилизмом». Вторым он называет упомянутого выше Розмини, который указывает на возможность возрождения уже в иной культуре фундаментальных истин Запада. Саму же европейскую и американскую философию последних десятилетий он оценивает чрезвычайно сурово: это либо претенциозная модная литература – какое отношение к философии имеет замена «Бытия и ничто» на «Слова и вещи», – либо крайний номинализм академической англосаксонской философии. В обоих случаях следствием оказывается нигилизм.

С этим движением в сфере чистой мысли соотносятся социальные и политические перемены. Шакка не отвергает с порога революционные идеологии последних двух столетий. И либерализм с его «правами и свободами», и социализм с его требованием социальной справедливости и учетом прав трудящихся для него сами по себе совершенно законны и заслуживают одобрения. В идеологиях, пусть в суженном и искаженном виде, все еще оживал вопрос о «хорошем обществе», свободе и справедливости, поставленный Платоном и Аристотелем. В современном мире «деидеологизация» неизбежна, поскольку для правящих ныне технократов и экспертов сам этот вопрос сделался неуместным. Тогдашнее противостояние США и СССР он считает просто борьбой за доминирование в рамках одной и той же программы завоевания мира *homo faber*, считающего себя вершиной творения. США завладели наследием Запада и довели его до полного низведения к «окцидентализму»; СССР сделал все для уничтожения собственной православной культуры, импортировал этот продукт распада Запада. Оба тогдашних блока принадлежат одной цивилизации с теми же двумя божествами Производства и Потребления, калькуляции, анонимной технократии, которая нейтрализовала былую оппозицию «частной инициативы» и «диктатуры пролетариата», породив «новый феодализм, пролагающий путь к технократическому тоталитаризму» [Sciaccia 1970, 132]. Материальное благосостояние сделалось самоцелью, планетарное всеобщее счастье сведено к росту потребления, «уровня жизни» на языке этой технократии. Эта технократическая революция направлена против всех традиций и ведет к невиданной ранее концентрации власти⁶. Никакой «демократии», никаких «прав человека» эта власть не признает: избирают того, кто лучше представляет интересы стоящих за сценой властителей, именно им и их свите принадлежат «права и свободы». Поэтому новый тоталитаризм «стремится кастрировать либерализм, коммунизм и религии, чтобы получить буржуазию без идеала свободы и свободного мышления, социализм-коммунизм без революционного идеала грядущей справедливости, религии (католицизм, все христианство, ислам и т.д.) без веры и идеала вечной жизни» [ibid., 149]. Взамен предлагается платформа «оптимума счастья для всех» в растущем потоке товаров и услуг.

Шакка детально описывает «триумф *homo calculator*», выведение посредством искаленной системы образования и СМИ новой породы людей, потребляющих «культурные блага». Слова о «демократизации культуры» произносятся лишь для того, чтобы прикрыть ими порчу всей предшествующей культуры Запада. Свою книгу Шакка выпустил в 1970 г. (а более половины написал еще в 1950-е гг.), а потому многие его суждения можно считать предвидениями. Так, он писал о неизбежном уничтожении природы такой цивилизацией, когда еще почти никто не говорил об экологическом кризисе. Предвидел он и эволюцию европейских политических элит, слияние прежних «левых» (социалистов, социал-демократов) с «правыми» либералами в один правящий класс, состоящий из одинаково мыслящих и действующих «калькуляторов». Любопытно

то, как он характеризует тогдашние студенческие протесты, начатые «маем 68 года». Для Шакка законный протест обесценивается уже тем, что «бунтарями» именуют себя конформисты, провозглашающие «раскрепощение», «сексуальную революцию» и т.д. лишь с тем, чтобы занять место повыше в существующей системе в борьбе с «авторитаризмом» прежних элит. Они способствуют ликвидации остатков подлинного европейского образования, подменяют культуру фрейд-марксистской фразеологией. Тех, кого тогда стали называть «новыми левыми», Шакка считает исполнителями заказа технократической элиты на уничтожение раннего марксизма, который все же был связан с реальными проблемами рабочих. Кстати, его трудно назвать «католическим реакционером» или даже «консерватором», поскольку прежним «левым» он, скорее, симпатизирует, тогда как к провозвестникам «эмансипации» в духе Франкфуртской школы относится с нескрываемым презрением. Вся словесная баталия «окциденталистского коммунизма» с «отчуждением», «репрессивной моралью» и всеми «табу» целиком вписывается в логику распространения потребительского общества [Sciassa 1970, 162–164]. Полвека спустя после выхода книги Шакка мы можем засвидетельствовать верность его тогдашних наблюдений – «бунтари», вроде Д. Кон-Бендита или Й. Фишера, сделали замечательную карьеру. Впрочем, прозорливым оказалось его видение эволюции европейских элит в целом, «сердечного согласия» либералов и социалистов. Да и вопрос об упадке Запада все чаще задается – всего лишь через три десятилетия после провозглашенного и принятого на веру либерально-демократического «конца истории»...

Предвидел Шакка и то, что католическая церковь неизбежно вовлечется в процесс секуляризации. Он сожалеет о том, что американскому «неокапитализму» после войны удалось использовать страх католиков по отношению к явно безбожному коммунизму и использовать их в своих целях. Шаг за шагом католическая церковь будет уступать свои позиции по важнейшим моральным вопросам. Шакка отмечает, что лишь православные церкви по-прежнему держатся традиции, тогда как католическая иерархия уже пошла по пути «прогресса», а тем самым и предательства. «Окцидентализм» разрушителен для всех религий, но он уничтожает и прежний атеизм. Среди материалистов бывали настоящие философы, богоборческий атеизм не был глупостью и подлостью, оставаясь несомненным заблуждением. Сегодняшнее конформистское безбожие и материализм потребителей прежде всего глупы – ведь глупость для Шакка является результатом добровольной самоограниченности тех, кто желает оставаться в платоновской «пещере».

Корнем всех проблем современности является именно глупость, поскольку весь сегодняшний нигилизм имеет этот источник – мы расплачиваемся за утрату ума. Утрата присущих Западу разума и моральных ценностей ведет к упадочному западничеству, подобно тому, как утрата классической Эллады вела к эллинизму, а утрата римских добродетелей к «римству» поздней Античности. Своя позитивная роль в истории духа у этих выродившихся наследников тоже была, поскольку через них стало возможным возвращение к подлинным вершинам Эллады и Рима. Как писал К. Буркхардт «Необыкновенным счастьем для мировой культуры явилось пристрастие к эллинизму, овладевшее римлянами... Только ему и ничему другому обязаны мы продолжением непрерывной духовной традиции» [Буркхардт 2004, 84]. Ранние Отцы Церкви не могли обойтись без философии Сенеки и Плотина. Так и «окцидентализм» когда-нибудь послужит новой культуре, которая родится на почве его распада; тогда возможным станет новое открытие истинного Запада.

Некоторые надежды Шакка возлагает на страны Латинской Америки, которые станут родиной новой культуры, вобравшей в себя ценности Запада, но преодолевшей «окцидентализм». Только сегодня все апелляции к «западным ценностям» являются ложью – Запад уже умер, а попытки оживить труп порождают только «зомби». Мы живем в эпоху затмения и упадка. Эпиграф к книге подобран не случайный: во Втором послании к Тимофею (3, 1–9) ап. Павел пишет о наступающих тяжких последних временах, когда преобладают самовлюбленные сребролюбцы, напыщенные клеветники и предатели, сластолюбивые наглецы, противящиеся истине и развращенные умом, всегда

учащиеся, но никогда не достигающие познания истины. Собственно говоря, подзаголовок книги мог бы быть таким: «Нигилизм впавшего в глупость Запада».

Основной тезис Шакка не единожды высказывался многими европейскими философами. То, что он пишет о философии и науке Нового времени, их сегодняшних последствиях, заставляет вспомнить целый ряд сочинений: от «Кризиса европейских наук» и «Диалектики Просвещения» до трудов Ж. Эллюля и Л. Мэмфорда по поводу технической цивилизации. Его воззрения четко обозначены – он является наследником долгой традиции христианского платонизма. Но в главном эта «метафизика света» выражает общий для любой адекватной философии взгляд. У человека нет выбора – иметь или не иметь некое представление о бытии вовне и о собственном существовании как части целого. Выбор у него, как писал М. Шелер, «только в том, иметь ли хорошую и разумную или плохую и противную разуму идею абсолютного» – с этим согласятся философы самых разных воззрений (заменяя слово «абсолют» на «бытие», «реальность» и т.п.); можно придать этой идее христианское звучание, и тогда она расшифровывается следующим образом: «Человек может, правда, искусственно вытеснить ясное осознание этой сферы, уцепившись за чувственную оболочку мира: тогда направленность на сферу абсолютного сохраняется, сама же сфера остается *пустой*, лишенной определенного содержания. Но пустым тогда остается и центр духовной личности в человеке, и пустым остается его сердце» [Шелер 1994, 4–5]. Это место заполняется конечными вещами и благами, выдаваемым за абсолют – таково идолопоклонство в области религии, таков фетишизм общества потребления, но свои идолы имеются в науке и в философии. Центральные понятия Шакка рождены Античностью и христианством – мера и *pietas*. Первое из них указывает на нашу конечность, на то, что мы являемся частью, которая соотносится с целым. Второе не было чуждо Античности, но тогдашнее благоочестие в христианстве обрело черты благоговения в личностном отношении со сверхличным. Он не отрицает того, что Лукреций Кар или, скажем, Гёте, могли испытывать благоговение по отношению к природе – таковы переживания и многих настоящих ученых. Христианская вера требует большего, но глупцами такие натуралисты не являются. Источником глупости являются гордыня, субъективизм, почитание самого себя в качестве «меры всех вещей».

Примечания

¹ В качестве примера можно привести философию Д. фон Гильдебранда. Написанное Шакка об «объективной интериорности» во многом сходно с тем, что писал фон Гильдебранд об «объективности и независимости сознания». См.: [Гильдебранд фон 1997].

² Сокращенный перевод 3-й главы первой части, так и озаглавленный «О глупости», осуществлен по изданию [Sciassa 1970, 60–89].

³ Стоит отметить, что подобный взгляд на философию XVII в. вообще не редок среди католических мыслителей. В качестве примера можно привести аналогичные суждения Ю. Бохеньского, для которого высокая оценка мысли Нового времени является одним из несомненных суеверий нашей эпохи. См.: [Бохеньский 1993, 158–162].

⁴ О роли придворного общества в становлении европейской рациональности см.: [Элиас 2002].

⁵ См., например: [Конт-Спонвиль, Ферри 2009, 564–570], где итогом гегельянского отождествления философии и религии по своему содержанию становится Декларация прав человека.

⁶ К. Шмитт в работе «Римский католицизм и политическая форма» [Шмитт 2016, 82] отмечал, что экономико-техническое мышление революционно уже потому, что отвергает социальные традиции – машина не имеет традиции; только оно саморазрушительно, превращая людей в «винтики» гигантской машины. Даже экономизму требуется хотя бы минимум правовых норм, тогда как переходящий в «социальную инженерию» технократизм нивелирует до механизма все человеческое.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Бовель де 2000 – Бовель Ш. де Книга о мудреце // Кассирер Э. Избранное: Индивид и Космос в философии Возрождения. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 256–372 (Bovillus, Carolus, *Liber de sapiente*, Russian Translation).

Бохеньский 1993 – *Бохеньский Ю.* Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков. М.: Прогресс, 1993 (Bocheński, Józef M., *Sto zabobonów. Krótki filozoficzny słownik zabobonów*, Russian Translation).

Буркхардт 2004 – *Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории. М.: РОССПЭН, 2004 (Burckhardt, Jacob, *Weltgeschichtliche Betrachtungen: Historische Fragmente aus dem Nachlass*, Russian Translation).

Гегель 1956 – *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. 3. Энциклопедия философских наук. Часть 3. Философия духа. М.: Госполитиздат, 1956 (Hegel, Georg W.F., *Philosophie des Geistes*, Russian Translation).

Гильдебранд фон 1997 – *Гильдебранд Д. фон.* Что такое философия? СПб.: Алетея, 1997 (Hildebrand, Dietrich von, *Was ist Philosophie?* Russian Translation).

Йегер 1997 – *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. II. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997 (Jaeger, Werner, *Paideia. Die Formung des griechischen Menschen*, Russian Translation).

Кастильоне 1996 – *Кастильоне Б.* Придворный // Опыт тысячелетия. М.: Юристъ, 1996 (Castiglione, Baldassare, *Il libro del Cortegiano*, Russian Translation).

Плутарх 2006 – *Плутарх.* Об Исиде и Осирисе // *Плутарх.* Исида и Осирис. М.: ЭКСМО, 2006. С. 197–198 (Ploutarchos, *De Iside et Osiride*, Russian Translation).

Фичино 2020 – *Фичино М.* Платоновская теология о бессмертии души в XVIII книгах. СПб.: Владимир Даль, 2020 (Ficinus, Marsilius *Theologia platonica de immortalitate animorum XVIII libris comprehensa*, Russian Translation).

Цицерон 1974 – *Цицерон.* Об обязанностях. М.: Наука, 1974 (Cicero, *De officiis*, Russian Translation).

Шелер 1994 – *Шелер М.* Философское мировоззрение // *Шелер М.* Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 3–14 (Scheler, Max, *Philosophische Weltanschauung*, Russian Translation).

Шмитт 2016 – *Шмитт К.* Римский католицизм и политическая форма // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 60–92 (Schmitt, Carl, *Römischer Katholizismus und politische Form*, Russian Translation).

Штраус 2000 – *Штраус Л.* Введение в политическую философию. М.: Праксис, 2000 (Strauss, Leo, *Introduction to political philosophy*, Russian Translation).

Элиас 2002 – *Элиас Н.* Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002 (Elias, Norbert, *Die höfische Gesellschaft*, Russian Translation).

Sciaccia, Michele F. (1970) *L'oscuramento dell'intelligenza*, Marzorati, Milano.

Ссылки – References in Russian

Жукова 2016 – *Жукова О.А.* Логос и Ratio: Владимир Эрн как исследователь европейской мысли // Философские науки. 2016. № 2. С. 74–88.

Конт-Спонвиль, Ферри 2009 – *Конт-Спонвиль А., Ферри Л.* Мудрость современности. Десять вопросов нашего времени. М.: РУДН, 2009.

Кошкарян 2004 – *Кошкарян М.С.* Микеле Федерико Шацца // Философы XX века. Книга первая. М.: Искусство XXI век, 2004. С. 288–307.

References

Comte-Sponville, André, Ferry, Luc (1998) *La Sagesse des Modernes. Dix Questions Pour Notre Temps*, Robert Laffont, Paris (Russian Translation).

Koshkaryan, Marianna S. (2004) “Michele Federico Sciaccia”, *Philosophers of the 20th century. Book one*, Iskusstvo XXI vek, Moscow, pp. 288–307 (in Russian).

Zhukova, Olga A. (2016) Logos and Ratio: Vladimir Ern as a Researcher of European Thought, *Philosophical Sciences*, Vol. 2, pp. 74–88 (in Russian).

Сведения об авторе

РУТКЕВИЧ Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ.

Author's Information

Alexey M. RUTKEVICH – DSc in Philosophy, professor, National Research University Higher School of Economics.

Затмение разума.

Часть первая, глава III «Глупость»

М.Ф. Шакка

1. Как говорить о глупости и чего мы под нею не подразумеваем

Как и сегодня, практически во все времена требовалось немалое мужество для того, чтобы говорить о глупости: с одной стороны, велик риск, что вас примут за самонадеянных и спесивых возмутителей спокойствия или врагов непогрешимого прогресса с тем следствием, что, по умолчанию, мы сами тогда окажемся в лучшем случае судимыми как глупейшие; с другой стороны, мы по неосторожности рискуем затронуть огромный предмет, который на сегодняшний день вырос до колоссального. Ведь каждый из нас всякий день – кто больше, кто меньше – сталкивается с глупостью, как чужой, так и со своей собственной; она является закваской или даже «цементом», скрепляющим сообщества, равно как и лицемерия так называемых «социальных отношений». Глупость является всепроникающей, бесконечной подобно бытию, как отрицание этого бытия; как в шутку писал Эразм в своей *Похвале*, без известного рода глупости люди не могли бы даже рождаться. Тем не менее немногие пишущие обращались к ней *ex professo*, и уж совсем редко, как мне кажется, делали ее объектом философского размышления. Думаю, связано это с тем, что глупость не щадит никого и ранит человека как человека: это зеркало, в котором никто не хочет отразиться, чтобы избегнуть болезненных и даже унижительных признаний; «повернись спиной к зеркалу» – вот императив нашей радикальной глупости. Доказательством этого, как говорил на лекции 1866 г. по этой теме гегельянец Эрдманн, является то, что, когда кто-либо отваживается начать всерьез разговор о глупости, почти все отшатываются в удивлении, страхе или возмущении; оправившись от первоначального испуга, начинают смеяться. Явно срабатывают механизмы защиты, принимающие вид скуки от пустой и легкомысленной темы, которая не стоит внимания, либо хорошего настроения, свойственного тому, кто уверен в себе, а потому может развлечься. Это подтверждает, как пишет Музиль¹, постыдную и подавляющую нас власть глупости над нами; говорить о ней – значит противостоять мощной и глубоко противоречивой психологической силе.

О глупости можно говорить так, как говорят глупцы: когда и говорящие, и слушающие, и обсуждающие убеждены в том, что сами они как раз не глупы, но разумны – эта убежденность является верным указателем на глупость. Если мы хотим серьезно и плодотворно говорить о глупости, то следует избегать всякого укрытия в «кружке интеллигентных»: тот, кто говорит о ней (или слушает) так, словно речь идет только о другом человеке, сам является предметом разговора; без такого изначального осознания всякая речь о глупости является пустой и в нее погружает.

То, как понимается глупость на этих страницах, не имеет ничего общего со всякого рода неполноценностями или «слабостью» ума, воли и т.п. Подобные способы рассмотрения нас не касаются, равно как и повседневное употребление термина, когда в тех или иных обстоятельствах мы именуем «глупцами» каких-то людей (или себя самих). Отличие есть и от «тупости», свойственной тому, кто лишен проницательности, кто видит лишь внешнее и удовлетворяется им, глух ко всему иному, закрыт для других, а иной раз инертен; речь не идет о слабоумии, страстях и т.п. мы говорим о глупости в отношении к уму, как о затмении последнего^{1*}.

2. Глупость как отрицание «невидимого» или о мере – признаке ума

Если мера является признаком ума, то ее забвение, утрата или непризнание есть *глупость*; с утратой знака теряется значение, ничего не обозначается: кто из людей не терял, не утрачивает ныне и не будет терять этот «знак» в будущем? Глупость

заключается не в том, что «не видят» или «не понимают» (либо делают это плохо); все мы всего не знаем, идет ли речь о травинке или самом незначительном впечатлении. Она заключается в отрицании или в непризнании того, что мы не способны видеть и понимать всё даже в случае какой-нибудь малейшей вещи; и в то же самое время в отрицании того, что нами невидимо и неведомо. Иначе говоря, она состоит в непризнании меры, пределов, неизбежно присущих человеческому уделу, помимо тех, что свойственны отдельному человеку. Поэтому она заключается не в субъективном акте «не видения», но, так сказать, объективном акте утверждения по поводу несуществующих пределов, а затем в выводе: то, что не видится и не осознается, то и *не существует*. Если каждый из нас во всех обстоятельствах стал бы держаться нормы: «осознавая пределы твоего чувства, твоих мысли, познания, воли, действия», то он становился бы на путь разумной жизни с положительными перспективами.

Из этого следует, что глупость не нужно путать с «невежеством» или с «незнанием»; так сознание нашего безграничного неведения представляет собой зрелый и бодрствующий разум, это – «ученное» и даже «мудрое» неведение; равным образом это глубокое «учение» о «сознании несознаваемого», «знании о незнании», а также подлинная «мудрость»: признавать подобное неведение и в соответствии с признанием действовать, имея в виду и самих себя, и других, и Бога; не сочетавшееся с глупостью невежество не отрицает того, чего не постигает видением и пониманием, оно даже почитает непостижимое и всегда готово открыть глаза пошире, дабы видеть больше. Глупость нельзя называть невежеством и потому, что не видит и не понимает она, ибо *не хочет*; она «возносится» по *хитрости* (если «низвести» ее обратно, могла бы увидеть); с другой же стороны, она не признает своего невежества – иначе она уже входила бы в зону разумения.

Глупость несет с собой сложную гносеологическую и этическую проблематику, она исходно отрицает пределы и разум, поскольку обладает концепцией бытия, которая бытие отрицает, предполагая, что *есть* только то, что является предметом чувственного наблюдения или чувственно «представимо», дает «впечатления», каковые познаваемы как таковые и верифицируются чувственным опытом и разумом, который сводится к простому здравому смыслу. *Не существует* того, что не является видимым или осязаемым, калькулируемым или утилитарным; из этого следует отождествление познания с экспериментальным и рационализируемым, а последнего с вообще «познаваемым» для человека. А отсюда инверсия: не бытие предписывает границы познанию, но познание бытию. То, что не познается на *этом пути*, не существует. Поэтому для человека все познаваемо. Теоретическая проблема начала познания и первоначального фундирующего логоса подменяется проблемой *технических средств* чувственно-рационального познания, нахождение каковых есть лишь «вопрос времени», то есть перехода от «познаваемого» ко всему «познанному», где это «все» – после отрицания бытия – есть функционально «представляемое» *ничто*. Эта а-теоретическая и исключительно гносеологическая позиция – редукция знания до калькулируемого чувственного минимума – несет с собой «рациональное» отрицание разума и меры, знания не-чувственного, предела для рассудка, равно как его практическое отрицание или непризнание. Тем самым осуществляется «подмена» интеллигибельного чувственным, принципа истины теми средствами познания, которые применимы к чувственным данным. Короче говоря, теоретическое сводится к набору инструментов упорядочения и систематизации наблюдаемых данных, каковые, в свою очередь, превращаются в инструменты действия: только они являются сущими и познаваемыми. Отрицая предел, для глупости важно свести все к видимому, служебному или представленному – просто «репрезентация», утрата бытия; свести к собственной малости и посредственности, к своей «мелкой подлости». С утратой символа она сама поднимает себя до символа всего и вся, а потому сводит все к утилитарному «ничто»...

Именно негативная позиция перед лицом мышления и знания со свойственной им проблематикой делает глупость самонадеянной, помещает ее в зону *ultra cogitare* – мышления и стремления сверх пределов мысли и воли, отрицания свойственных им

порядков; поэтому она беспорядочна в суждениях и оценках. Это не «мистическое» отрицание мысли и воли или, если угодно, это не мистика возвышающая, в которой отрицание есть утверждение полноты бытия, но мистика понижающая, где отрицание идет от ничто и является вожделением небытия. В своей кичливости она всякий раз жаждет большего, чем заслуживает ее самомнение. Фундаментом глупости выступает не мысль, но *ultra cogitare*. Поэтому она слепо и упрямо авторитарна: беспредельная уверенность в своем всемогуществе или в слабости других есть просто другой аспект *ultra cogitare*...

Она в изобилии наделена хитростью, умелостью, всем арсеналом коварства для насилия и обмана – таково ее оружие защиты и атаки, преумноженные отсутствием ума. Действительно, она стремится использовать все подряд, включая самые глубокие идеи и самые высокие чувства, ничего в них по грубости своего лицемерия не понимая и будучи им совершенно чуждой. Она надевает на себя любые одежды и в любой момент их сбрасывает, как только полезнее станут другие. В этом она противоположна истине, которая, как заметил Музиль, во всех обстоятельствах носит свою скромную одежду и знает лишь один путь – для глупости это непоправимый «практическая» невыгода...

В каком-то смысле глупость есть падение человека до уровня просто и исключительно рационального животного, а потому она является самой сложной и противоречивой формой иррациональности, доходящей до абсурда. Животное лишено разума, но не точного и безупречного «расчета» в согласии с механизмами своих инстинктов. Как известно, часто оно побивает человека в хитрости, коварстве, способности маневрировать и т.п.; но из-за отсутствия у него мысли и сознания расчеты эти не рациональны в собственном смысле слова, хотя ничуть не менее точны, чем произведенные разумом, а иной раз их превосходят. У человека рациональные инструменты более развиты и сложны, в том числе и потому, что он выживал в борьбе с природой, они им к тому же осознаются. Когда же инстинкты опережают и берут верх, затмевая осознание, они подчиняют себе разум и ставят себе на службу. Разум не утрачивается, исчезает его «луч», постижение бытия; разум оказывается «в потемках», но «инструмент» продолжает функционировать, подсчитывать, манипулировать для удовлетворения инстинктов. «Разумное животное» – наполовину «лев», наполовину «лисица». Качественно он возвышается над прочими животными, только когда человек падает ниже самого себя или притязает возвыситься над собою, «выйти из себя» – два способа отрицать или отвергать меру, а тем самым и разум, – он делается самым опасным животным и достигает самого дна, именно потому, что наделен разумом. Чем с большей высоты он падает, тем глубже погружается в прогнивательное «безумие» своих доскональных расчетов, в рациональный бред, обретающий разные формы: чувственности, власти, успеха и т.д., иначе говоря, своих инстинктов, возможностей и способностей, только испорченных и извращенных. Глупость как отсутствие меры – признака разумности – не является умственной болезнью (вопрос о них не в нашей компетенции), но опаснейшей «болезнью» ума, воли и чувства... Только человек бывает глуп, ибо только человек разумен, а потому есть риск затмения ума; и только человек иррационален всякий раз, когда лишен «мудрости», но сама эта мудрость далеко не только рациональна.

Но почему же человек, каждый из нас, пока трижды не пропел петух, ведет себя и живет как глупец? Почему есть «системы» и «концепции» жизни, представляющие собой конструкции и теоретизирования глупости? Исчерпывающий ответ на эти вопросы предполагает решение проблемы зла, проблемы философской, но только решение ее теологическое. Сказав, что глупость имеет из-за отсутствия, «дефекта» духа, разума, что она вызвана инерцией, злой волей, внешней необходимостью и т.п., мы лишь разбиваем на фрагменты проблему зла. Мы можем сказать, что глупость перманентна там, где чувства, разум и воля не упражнялись и не укреплялись, не могли из-за глупости других в согласии с началами диалектики меры направлять животные и человеческие инстинкты, препятствуя их порче и возвышая до подлинных целей.

Глупость рождается из «дебилности» чувств или «чувственной имбецильности»^{2*}; от слабости разума или «рациональной имбецильности»; от недостатка воли и «волевой имбецильности». Они ослаблены, так как не были задействованы, покорялись и растрчивались, подвергались порче. Поэтому все мы ответственны, какими бы ни были смягчающие обстоятельства, пусть и в разной степени, за нашу «имбецильность» в каком-то секторе, а то и во всех. Мы отвечаем за нашу глупость именно потому, что онтологически все мы «умны», отвечаем за последствия, возмутительные и даже убийственные. Действительно, с утратой меры глупость способна на любую глупость и ничто ее не сдерживает; ее величайшим примером является отрицание Бога посредством типичного для глупости орудия осмеивания и высмеивания тех, кто верит: осмеяние Христа есть высшее проявление глупости, непрестанно повторяющееся в сознании и действии каждого человека. Мы не рождаемся глупцами, но с рождения и до смерти глупость сидит в засаде в каждом из нас, является постоянным для нас искушением. Мы не становимся ими по случайности или только в силу внешних обстоятельств; не по принуждающей нас иногда необходимости мы делаемся таковыми, желаем ими быть и всякий раз оказываемся, утрачивая меру, отвергая пределы, чтобы оставаться лишь хитроумными и убежденными в том, что этой утратой мы как раз подтверждаем свой ум.

Глупость можно победить, и мы часто ее побеждаем, осознавая самих себя, свой удел человеческий, наше бытие с его пределами. Победить ее в той или иной степени нельзя, не обратившись к самим себе, без ответственности за себя, без мужества и силы, меняющих ложное и иллюзорное знание себя истинным. Тогда нам «стыдно» возвращаться обратно, как если бы мы признали, что потерпели поражение. Победив ее, мы приходим к правильному управлению своими способностями и энергиями, к той «экономии» или «домострою», нашему бытию в разумном порядке бытия. А это нелегко, если мы столько времени были претенциозными глупцами, казались себе умнейшими, а теперь нужно вернуться к тому, что мы весьма скромно наделены умом и от нас уходит свита, начинающая поносить нас и удаляющаяся в поисках нового зрелища, дабы ему аплодировать. *Metanoia* может произойти в любой миг, она не зависит от того, насколько мы умны в повседневном смысле слова, и еще менее от того, следуем ли мы некоей доктрине. Важно прекратить изображать из себя искусного и ловкого, оставить притязания, вернувшись к куда более разумному употреблению как разума, так и прочих способностей. Как только глупец признает свою глупость, выносит ее на свет разума, он отвоевывает себя как человека со всеми человеческими измерениями: этот свет высвечивает и отогревает, но налагает всю ответственность, поскольку разум не позволяет быть поверхностным и напыщенным как раз потому, что чувства и воля излечены от анемии. Обратившийся к разуму глупец словно возрождается, заново сознавая себя и «видя» словно в первый раз других и каждую вещь; на самом деле, он видит новыми глазами и не отрицает того, что не видит и не понимает. Он мог бы сказать: «как я был глуп, пока оставался куклой» – его нос не растет вместе с каждой ложью, угрожая и ему самому и прочим.

3. Метод «сведения к» и «эгоизм по ненависти». Благодетель и нечестие

У глупости нет принципов, у нее имеется лишь метод «сведения к», отрицающий диалектический принцип «бытия в отношении», а тем самым и диалектику меры. Ее метод редукции непреклонен и «нечестив», она «сводит к» тому, что видит и понимает, все, чего не видит и не понимает. У такой редукции есть разные формы и степени, где одна форма увязывается с другой. От уподобления не видимого и не понимаемого с видимым и понимаемым она идет к обеднению, денатурализации – вплоть до «сведения к ничто», обнулению самого видимого и понимаемого. Поэтому глупость всегда враждебна диалектике: все иное, любая «оппозиция» (ведь мыслить – значит противопоставлять и соотносить с другим) должны исчезнуть, вплоть до полной нивелировки, каковая необходима отрицанию меры, а вместе с пределами и бытия всякого сущего.

С затмением тварного характера сущего во тьме теряется бытие – таков *нигилизм*. Метод «сведения к» предстает также как *метод подмены*: самим методом подменяется принцип, техникой – метод, действием – бытие, фактом – действительность. То же самое происходит с добродетелями: любовь к Богу подменяется любовью к миру, а последняя – привязанностью к вещам и т.д. Подмена осуществляется посредством последовательных отрицаний бытия, вплоть до а-диалектического нигилизма, смерти всякого рассуждения как такового, ибо целью такого ослепления является именно элиминация диалектического принципа и всякой возможности диалектики. Когда засыпает мысль, уже невозможно разорвать иллюзии, внутренние противоречия «системы» глупости, а она так пацифистски, так «гуманистически» может распространяться и господствовать.

Метод редукции-подмены работает путем нивелировки и фагоцитоза: сведения отдельного индивида к другим сущностям, сводимым, в свою очередь, к «коллективу», каковой опять-таки редуцируется до сингулярных его частей, а тем самым у нас не остается ни «Я», ни коллектива, ни «другого»; остается одна только «вещь». Сведение человека к природе сопровождается редукцией природы к человеку: последней целью человека оказывается природа, а потому отрицается сам человек как нечто противостоящее природе, но сама природа оказывается объектом господства рационального животного и, тем самым, отрицается природа, как нечто иное по отношению к человеку... Таковы осуществляемые глупостью нивелировки. В тот момент, как она нивелирует, она же абсолютизирует: с утратой постижения бытия, а тем самым и меры, глупость может абсолютизировать все, что угодно, вплоть до самых пустых вещей, не придавая этому ни малейшего значения; хуже того, она оподляет все то, что ею редуцируется и подменяется.

При затмении ума экономическое или социальное, техническое или научное, художественное или моральное, автомобиль и супермаркет, партия или масса – все, что угодно, вплоть до лошади или насекомого – может быть «вознесено» до целого, будучи редуцированным, обедненным, обнуленным. Ведь то, что было возвышено до всего, *ipso facto* уже сведено к ничто и само по себе ничто: простая репрезентация на какой-то момент имеющая шумную популярность, затем возвращается в ничто, словно это тень. Действительно, с затмением бытия нет и суждения о бытии сущих, остается лишь то, что конвенционально и номиналистически называется чувственно данными и потребляемыми «вещами». С прекращением бытия каждого сущего в его «отношении к» производится его «редукция» к чему угодно и по обстоятельствам, причем та вещь, к которой сводили, в свою очередь обречена на ту же судьбу, поскольку все вещи взаимозаменяемы – «редукция» осуществляется, поскольку так удобно. Они возникают и исчезают как малозначимые фантазмы посредством скрытой игры «суггестии», которая, как подобает глупости, играется с необычайным фанатизмом, поскольку юмора глупость лишена, он рождается из чувства меры. Так происходит, когда метод возводится до принципа, а затем сам метод делается простым инструментом господства как самоцели. Иначе говоря, это жизнь без цели: люди подобны «странникам и бродягам, у коих нет никакого места в жизни»^{3*}.

Метод «сведения к» есть «базис» (правда, лишенный всякого «фундамента») *эгоизма по ненависти*, той подмены любви к другому, которая совпадает с порчей человека. Не имеющая принципов и вооруженная этим методом, с затмением бытия и истины, глупость наступает безжалостно и ненасытно, жестоко и беспощадно, словно невезение, ползущая на коленях Моира, жаждающая заполнить свою пустоту, пожирая все подряд, лишив все значения. Такой эгоизм ненавидит все: бытие и сущие, истину и истины, благо и блага, вещи, других людей, Бога. Возведенным в принцип методом для него является одна лишь редукция, обнуление – все утрачивает значимость и становится ничем. Непримируемыми врагами для глупости были и остаются бытие и значение, ибо значение сущего, его истина, его благо или бытие как таковые находятся «в отношении к», а потому все они несводимы, обозначены мерой. Глупое *эго* полнит-ся только собой, и нет никого более пустого, чем тот, кто заполнен лишь самим собой;

утрачено и его собственное бытие – оно делается «репрезентацией» себя, представляющей все остальное, «маской».

Диалектически увязывая онтологические узлы, ум ставит каждого человека в «отношение к», не «сводя» его к прочим, но и без редукции иного к нему самому; подмены и исключения ведут к отрицанию их бытия, тогда как ум признает их все и любит в их собственном бытии. Напротив, глупость следует методу редукции: в отсутствие всякого принципа бытия, она не знает *благоговения*, *pietas*, «почтения» к какому бы то ни было существу или вещи. С утратой бытия разжижаются и ценности, они уже незначимы: бытие не есть ценность, ни оценка ценностей; свести бытие к оценке или к лежащей в ее основе ценности – значит утратить и бытие, и ценность. Ведь все ценности являются таковыми через бытие, которое есть; бытие делает их ценностями, наделяет ими все, тогда как ни одна ценность или все они вместе ничего не «добавляет» к бытию, которое их содержит. Бог творит ценности в тот самый момент, как он творит человека, наделенное умом существо; свет ума высвечивает ценности, а при затмении его они не видны. Они бесконечны, когда соучаствуют в бесконечности бытия, «вне» коего их нет даже как конечных. Они либо имеются и имеются через бытие, либо их нет, и они рассыпаются «на части», вплоть до небытия. Утратившая бытие и отрицающая его глупость не способна видеть и постигать какую бы то ни было ценность – она не признает ни одну из них, отрицает их именно как ценности. Глупость неизбежно держится «номинализма», в силу своего нигилизма. Ее позиция не может не быть неблагочестивой.

Действительно, *pietas* есть не только уважение, но также «дар», причем оба они не только внешние, но «ощутимые», даже если ценности, на которые они направлены, поняты на минимальном уровне. Важно, что совершился подъем на уровень понимания того, что это ценности, заслуживающие почитания, что они открываются нашим «чувством», каким бы ни был его уровень, а потому они переживаются в нашем «духовном пространстве», дабы воспитывать и формировать нашу личность. Тем самым *pietas* является также «почтанием»: ценности как таковые «почтенны» в том числе из-за их «древности», восходящей к творению первого человека, а потому они суть «память» о Боге и той связи, которая соединяет с Ним разумное творение...

Благоговение никогда не отделено от соприродного *pietas* «аффекта», ибо уже объективное признание есть, по существу, акт любви; поэтому *pietas* также выступает как «справедливость», направляющая жизнь каждого человека, в зависимости же от занимаемого им места она содействует общему благу, тому, как другие управляют собственной жизнью⁴. Кроме того, *pietas* есть «мягкость» и «учтивость» духа, каковых нет без «скромности», свойственной любви и справедливости. *Pietas* предполагает деяния, практику; если благочестие истинное, то речь идет не только о внешней стороне действий, но всегда сопровождается старанием, усердием, страстью. По существу, *pietas* есть религиозное чувство, но оно направлено на мир вещей и нам подобных, и тот, кто религиозен сердцем и умом, не может его на них не направлять. В своей полноте благочестие есть культура и цивилизация, воспитание человека. Как говорил Вико, «если ты не благочестив, то и истинным мудрецом тебе не стать».

Глупость есть отрицание *pietas* во всех смыслах: она непочтительна, несправедлива, коварна, нескромна, скверна; как было сказано, она нечестива и «вероломна», когда посягает на бытие всем при этом все отрицая – посредством насилия, ловушек, предательства. Она никого и ничего не чтит. Ее ненависть при оскорблении и отвержении ценностей выявляется в грубых профанирующих подменах, маскирующих разрушение и представляющих его как великие завоевания зрелого человечества, освободившегося от мифов и табу. Ее *slogan* ныне «эмансипация», «освобождение» от чего-нибудь, сотворение «чистой доски» из культуры. И чем больше она крушит, тем больше прикрывается гуманизмом, пацифизмом, космополитизмом; она разоблачает «авторитаризм» с тем, чтобы принизить любой авторитет, противостоящий ее авторитарному всевластию. Чем больше обнуляются ею прошлое и настоящее, тем чаще она говорит о лучшем будущем, да еще говорится это воодушевленно и пророчески – таковы живые маски.

Глупость представляет собой антикультуру, имеющую одну цель: разрушить культуру посредством анонимного «окультуривания» всех до минимального уровня своих «слоганов», фабрикуемых и повторяемых без всякой мысли; ее мечтой является не-пробудный сон мышления.

4. Протоллов и улоптаою

Протоллов по своему значению – «маска» и «персона»; для греков «индивидуальность» была одеянием, явлением безличной сущности или субстанции, улоптаою; поэтому одно слово обозначало и «маску», и «персону», так как персональное и индивидуальное были обреченной на рассеяние и исчезновение видимостью, явлением безличной субстанции. На греческом Нового завета, напротив, улоптаою есть субстанция или персонализированное сущее, есть «личностное бытие», тогда как протоллов является «внешним явлением» или сведенной к нему «ипостасью». Вместо того, чтобы быть тем, кто он есть, глупец сводит личность к протоллов, к маске для «репрезентации» в мире, который является всего лишь «спектаклем»; умный утверждает свое личностное бытие (улоптаою и говорит о себе: «Я есмь» – несводимое к другому, равно как иное не сводится ко мне. Для него значима диалектика меры и инаковость по любви; для человека, реализующего себя только как протоллов, важнее метод «сведения к» по ненависти. Отсюда ненасытность в конфликте со стороны протоллов: улоптаою предлагает мир через дела любви, чтобы, с падением масок, возвратиться к разуму и воссоздать личность; этому противостоит стремление безжалостно подчинить, свести к маске, привязав к своей карнавальной колеснице, либо вовсе уничтожить. В такой конфронтации благочестия и бесчестия протекает человеческая история: добра и зла, дел милосердия и ненависти, истины и лжи, спасения и гибели. История протоллов с ее методом «сведения к» и порождающей обнуляющий эгоизм по ненависти, и история улоптаою, выдвигающей диалектику меры и высвобождающей инаковость по любви.

Протоллов есть «лицо» или «фасад», кичливо предъявленный и требующий, чтобы присутствие было замечено; улоптаою просто имеется как нечто целостное, в своем «бытии», наделенном разумным духом. Они противостоят друг другу: живущая внешним представлением маска, раздувшаяся и надутая, желающая ослепления разума, угрожающего этот «шарик» проткнуть, и на такое ослепление рассчитывающая – персона, «лицо» лишь в грамматическом смысле; и персона в смысле субстанциальном, лицо, выражающее все свое бытие, чьи значимые «явления» прозрачны и выявляют все бытие – кто ты есть и что из себя сделал. Это «постоянство», «неизменность», «прочное доверие» – новозаветные значения улоптаою – указывают на ту моральную пропасть, которая отделяет ее от протоллов, от человека, сведенного к «quanta species» из пьесы².

Протоллов желает видеться протолловолюца, «персонификацией» чего угодно; улоптаою желает быть лишь собой с осознанием своих пределов, не чувствует себя персонификацией чего бы то ни было, но именно поэтому способна – того не показывая – к волевому усилию, совершающему нечто экстраординарное. Первая стремится казаться кричащей «репрезентацией» самой себя и всего остального, а потому учит и наставляет, трогает и устрашает, раздувается от чванливой торжественности; вторая желает просто быть – молчаливой, но настойчивой, прочной, уверенной в себе. Протоллов сводит все к росписи своей маски или к изображению своей фигуры, она одержима успехом, коленопреклонением хотя бы современников, если не всей истории, а для того готовит хорошо приготовленную маску, дабы вызывать аплодисменты и в будущем. Поэтому во всех обстоятельствах, даже самых священных (все они равны и все хороши для этой цели) мы видим толпу протолловолюца, «фабрикантов масок» – фоторепортеров, журналистов, операторов телевизионных камер, получивших входной билет и доступ к кормушке. Ведь глупость чрезвычайно заразна, маски могут быть любимы: политиков, писателей, философов, ученых и техников, спортсменов,

певцов, скоморохов, всех принужденных к репрезентации хотя бы на миг, словно безнадежно влюбленные, мечтающие о встрече. Меняются имена, громоздящиеся, воюющие друг с другом *flatus vocis*. Самой большой в мире фабрикой является именно эта, фабрика по производству масок, а офисом самого рентабельного предприятия – офис прощололоооо, офис для всех и каждого: я делаю маски для тебя, а ты для меня, спрос всегда превышает предложение. Только никто не насыщается своей, да и недостаточно присвоенными прочими – одному *flatus* нужен другой, «одоление» от большего *flatus*, с его высокомерием и помпой, а потому они с чарующей регулярностью ненавидят друг друга...

Сегодня посредством «аудиовизуальных медиа» появился новый тип глупца, в котором титулы, прозвища и верительные грамоты, всегда украшавшие глупость, обрезают новую взрывную силу: глупец, говорящий от имени *массы*. Его глупость заряжается до максимума, превозносится, безумствует: она говорит «Мы» вместо «я»; «Мы», в котором в массе «я» уже не остается «я», ибо нет никого особенного, а есть только масса, подавляющее количество. Это противоположность не только общины, сообщества, но также и народа. Таким «Мы» утверждается его верховенство – воодушевляющее, профетическое, прогрессистское, передовое, лишенное стыда и «культуры», заряженное организованной, моторизированной, цивилизованной грубостью. Им сметается всякий порядок и любая мера, а тем самым истинное суждение и моральная оценка. В этой пустыне нет мышления и свободы, тут правит глупость, нивелирующая все до своего уровня, со своими «социальными отношениями», каковые уже не являются человеческими... Культура, цивилизация, ценности опустошаются во имя изготовленного таким образом «общества свободных», в котором царит произвол самого попорного, но в то же время расчетливого эгоизма: злобы, порожденной подменой, редукцией всего к ничто.

5. Быть на высоте ума, несмотря на «туз» глупости

Искушением для каждого человека является превращение в глупца, ибо глупость ценится и хорошо вознаграждается. Если «talant» к тому же «хорошо себя ведет», он заслуживает привилегий и премий. Авторитарная и коррумпирующая глупость живет за счет порчи тех способностей, которыми располагает человек. Всякий раз, как совершается такая порча – а ныне это настоящая эпидемия, – еще одна духовная энергия исчерпывается, еще один луч угасает. В столкновении с глупостью ум либо затмевается, либо сопротивляется любой ценой, причем цена сопротивления высока...

Ныне средства коммуникации невероятно ускорились, а радиус их действия охватывает все человечество – этим техническим прогрессом нелегко воспользоваться разуму, зато он стал вождельной добычей «Мы». За счет усиления масс-медиа и их впечатляющей эффективности, достигаемой посредством прогрессирующего ослабления ума и воли, вызванного спутанной и конвульсивной сегодняшней жизнью – иначе говоря, глупостью как таковой – последняя может беспредельно распространяться и становиться страшно заразной. Она может направлять эмоции, то нагружая, то разгружая так, как ей потребно, распространять сфабрикованные ею мнения, а потом расценивать их как «общественное мнение». Так глупость одного лица или группы посредством пропаганды могут сделаться перманентной глупостью общества или даже человечества. Дефекты, заболевания, аномалии некоторых лиц, с учетом умственного беспорядка и отсутствия морального сознания, при искусственном распространении (и в чьих-то интересах) могут с успехом в промышленных масштабах воспроизводить порок и ненормальность.

Таковы карта глупости, но еще не ее «туз». В игре шулеров истории с их трюками всегда найдется тот, кто скажет, что карта фальшивая, но у глупости есть и самая эффективная карта. Этим «тузом» является человеческое счастье, которое провозглашается просто вопросом времени: оно все прогрессирует, оно здесь, на этой земле, в этом мире, на протяжении руки – достаточно приложить чуть больше усилий. Сегодня

человечество находится под безжалостной бомбардировкой, словно в состоянии непрестанной войны, теми слоганами, которые составлены из ингредиентов глупости нынешнего исторического момента: божество Потребление, насыщенное «гормонами» могущественных средств массовой коммуникации, сочетается с богиней Промышленности, с ее технологиями. Все близится век счастливого человека на основе счастливейшего секулярного счастья, равнозначного беспредельному числу продуктов (пусть целиком искусственных и фальшивых) и алчному стремлению их потреблять, каковое непрестанно стимулируется. Так совершается «редукция» к этому типу счастья, как единственно возможному для человека и достижимому силами индустрии и техники. Отсюда ненависть к природе и ее красотам, ко всем принципам и ценностям, которые не фальсифицируешь с помощью шкалы обильности промышленного производства и массового потребления. Отсюда радикальная ненависть к уму, этому противящемуся зануде, к порядку и истине, ясности и внутреннему богатству, подлинности чувств, достоинству и свободе; ненависть к личности, которая не растворяется в коллективе или в социальной сети, будучи «убежденной», что все это «лишь для нее»; к критическому мышлению и творческой фантазии, демиургам истинной культуры, к здравому смыслу и даже к науке, если она не является «производительной» и «рентабельной», но желает предаваться «спекуляции», а потому не становится на службу экономического, политического и военного могущества. Вот программа, которую глупость предлагает «научно» осуществлять, да так, что не выживет ни один «суеверный», теряющий время на то, чтобы вопрошать о смысле всего этого. Чтобы достичь «редукции» человечества к вере в этот «оптимум счастья», у глупости нет иного пути, кроме затмения разума, достижимого либо прямым насилием, либо мягкими средствами, снотворным обманом, гипнозом технико-индустриального благосостояния, «социальности» на уровне «отношений», «престижа», измеренного потреблением, или убежденностью, что все идет к лучшему в этом мире ненависти всех ко всем.

6. «Искушение» ума и необходимость «перехода»

Но именно в тот момент, когда бал масок сделался неистовым, а пустота бытия поглощает и уничтожает все подряд, когда улоотцою стала «проблематичной», возникает вопрос: не стоит ли удалиться и оставить этот праздник, пока он сам себя не пожрал, или же нужно разоблачать его?

Первый ответ является чуть ли непреодолимым искушением, но его выбор есть падение – некое «затмение наоборот», но с тем же результатом. Тогда улоотцою делается проотолов себя самой, не распознает того бытия, которое глупец сделал маской, «сводит» его к ничто, следуя тому же методу опустошения и делается бесчестной, способствуя преобладанию эгоизма ненависти над любовью к иному. Победенная гордыней и возведенной на пьедестал «набожностью», она упускает то, что «масса» этих масок такова по неизбежности, каковая может иметь жизненный или интеллектуальный порядок – есть нищета, есть невежество, равно как и озверение в проистекающем из него моральном порядке. Короче говоря, нет чести в том, чтобы видеть только «массу» в каждом из ее составляющих, а не «называть по имени» каждого, признавая его личностью и нам подобном и уважаемом «другим» – всякий входящий компонент здесь наделен «ипостасью». Нужно отдавать себе отчет в том, что процесс сведения к маскам может представлять в ином одеянии. Авторитарно руководящая и более хитроумная глупость может выглядеть интригующе гуманистической: она желает удовлетворять жизненные нужды, образовывать и сеять «знания» (впрочем, того же качества, что сама глупость), сводя все ценности к «удовлетворению потребностей». Сделав своей последней целью такое счастье утоления, она к тому же интеллектуальному, чувственному и моральному озверению, к тому же бесчестию, что и в первом случае, только тут глупость предстает как отчаянных страданий, а там она была скольжением от одного наслаждения к другому. Как и на многое другое, отвечать на это должен разум, не «удаляясь» в замок, где она бесстрастно может наслаждаться своим собственным ханжеством; тогда это уже

не разум, а надевшая тогу и тяжкая глупость: пожавшее бытие и ценности пламя теперь начинает питаться собственной улоптаю, скрывавшейся за всеми простолгов.

За каждой маской пребывает потерянный другой, которого нужно обнаружить и вернуть со всем старанием: хотя он сделался маской, он остается мне подобным и равным, поскольку оба мы люди и творения Бога – это тот, с кем следует установить связь в любви как с другим. К нему не повернешься спиной, не сделаешь вид, будто не видишь и не понимаешь – именно так ум превращается в глупость. Речь идет и не о противостоянии, не о борьбе со врагом, но о том, что нужно пройти все это чужое нам поле, даже если оно нас обескураживает и несет опасность. Пересечь это поле следует в смирении и с бесконечным терпением, ибо нужно отыскать все ценное, обесцененное глупостью, сводившей все на свой уровень, чтобы затем поднять к свету ума, мыслью восстанавливающему бытие, его пределы и воздающему этому ценному по справедливости... Ум, который презрительно оставляет глупость себе самой есть самый совершенный и смертоносный плод глупости – максимум сведения к ничто из эгоизма ненависти. Если соль сделалась несоленой, то чем солить?^{5*}

Примечания автора

^{1*} В том смысле, как мы понимаем это слово, глупость отличается также от умственного смятения, растерянности, возникающих, когда нечто (испуг, неожиданное известие и т.п.) оказывает на нас столь сильное воздействие, что мы, как говорится, «теряем голову». Поэтому паника, эмоциональные «приливы» и т.п., вызывающие действия, каковые мы также обычно относим к «глупым», лежат за пределами нашей темы. Без сомнения, в случае той же паники происходит затмение ума: инстинкт самосохранения «ослепляет», и мы бежим невзвед куда, причем иной раз именно в объятия смерти, которой можно было бы избежать, если бы мы не были охвачены паникой. Происходит «редукция» всего к сохранению нашей жизни – с утратой ценности жизни других; эгоистическая редукция ведет к тому, что ради сохранения своей жизни я готов пожертвовать жизнью других. Напротив, святой не утрачивает света разума, действует «по уму», а потому спасает других сколько сможет, движимый любовью к ближнему.

^{2*} Как уже было сказано выше, речь идет не о врожденной имбецильности, каковая не является нашим предметом.

^{3*} Petrarca, Contro un medico, I, II, cap. XVII B.

^{4*} Как известно, *pietas* указывает также на справедливость, с которой Бог правит людскими делами.

^{5*} «Вы соль Земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чем негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям» (Мф. 5: 13)

Примечания переводчика

¹ См.: Музиль Р. О глупости. Доклад, сделанный по приглашению Австрийского союза художественных ремесел и промышленности в Вене 11 марта и повторенный 17 марта 1937 г. / Пер. Е. Крепак // Музиль Р. Малая проза. Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Канон-Пресс-Ц.: Кучково поле, 1997).

² Имеется в виду вошедший в пословицу стих из «Федры» Сенеки: *Quantaspecies, inquit, sed cerebrumnonhabet* («Что за лицо, а мозга нет!»).

Сокращенный перевод с итальянского и примечания
А.М. Руткевича